

K84(2=411.2)6
С69

Никон Сочихин

Из вербной веточки свирель



Никон Сочихин

Из вербной веточки свирель

Стихи и проза

Издательство «Красное знамя»
Томск – 2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С69

Никон Сочихин. Из вербной веточки свирель: стихи и проза. — Томск, издательство «Красное знамя», 2018. — 144 с.

© Н.В. Сочихин, стихи и проза, 2018

© Издательство «Красное знамя», оформление, 2018

Стихи

Восход

Пал туман на землю,
И легла роса.
Всё село объемлют
Птичьи голоса.

У плетня подсолнух
Подтянулся весь
И, увидев солнце,
Браво отдал честь.

В детском лагере

Тихо-тихо, как в разведку,
Вышло солнце из ночи.
И запрыгали по веткам,
Словно белочки, лучи.

А кукушка на опушке
Стала соло исполнять,
Чтобы детям их подушки
Было легче оставлять.

Яки и бяки

Бякают яки,
А якают бяки.
Эти смиренны,
А те — забияки.

У яков есть роги,
У бяков же — ноги.
И лучше бы им
Не встречаться в дороге.

В месяце марте...

В месяце марте, в месяце марте
Сняться деревьям зелёные сны.
В месяце марте в весёлом азарте
Мы ожидаем прихода весны.

Тают сугробы. Ослабли метели.
Дятлы по лесу рассыпали трель.
В старые парки грачи прилетели,
И самое, самое это — капель!

Весенняя музыка

На крыши звонкие сосульки
Апрель развесил, как свистульки.
Идут ребятишки, сбивают
И в эти свистульки играют.

А нам в квартирах что сидеть?
Пойдём послушать, посвистеть!

В парке

На кота рассердились сороки,
Кот забрался на тополь высокий.
Там прижался к стволу и притих,
Будто здесь он совсем не про них.

А сорокам всё это не нравится,
И хотят они с Васькой расправиться.
И зашлись стрекотаньем таким,
Что весь парк взбудоражили им.

И сороки ближайшей округи
Все слетелись на помощь подруге.
Им известно: какая беда
Ждёт их, если лишиться гнезда.

Вот, пожалуйста, кот появился.
Вниз спускайся, пока не свалился!..
Если купола нет за спиной,
Долго будет котишка больной.

Май

Здравствуй, здравствуй, месяц май!
Своё время занимай.

Подарил тебе апрель
Из вербной веточки свирель.

Чтобы в лад свирели
Птицы громче пели:

Просыпайтесь ото сна —
На дворе у нас весна!

Сколько солнца... Сколько света.
Это радость. Счастье это.
Это — жизнь сама!

Скорей, скорей вставай с постел.
И настежь распахни окно:
Как небеса поголубели,
Какую песню птицы спели,
Как греет солнышко давно.

А сколько лужиц на дворе,
Как тополёк пушист и светел,
Прошла гроза, унялся ветер,
Мир в небесах и на земле,
Уж то-то радость детворе.

А ты всё спишь, а ты всё спишь.
Скорей, скорей вставай, малы-ыш!

Весеннее

Надела осинка
Зелёную косынку,

Пошла из ворот
Поводить хоровод.

А следом за осинкой
Дедушка с корзинкой

За сморчками, за строчками,
В шляпе, с тросточкой, с очками

Где берёзка, где сосна,
Где хозяйюшкой — весна-а-а!

Рабочая семья

Лишь будильник звон заводит,
Все встают. Встаю и я.
И, позавтракав, уходит
На работу вся семья.

Папа — токарь на заводе.
Мама — доктор у ребят.
Ну а мне четвёртый годик,
И хожу я в детский сад.

Манная каша

Люблю я кашку манную,
Она — на молоке.
Вот я сижу за столиком
И с ложкою в руке.

А кашка на тарелочке
Почти до ободка,
И жаль, что уменьшается
От каждого глотка.

Сосед глядит и морщится
В большой-большой тоске...
Как можно не любить её,
Она ж на молоке!

Не плачь, малыш...

Не плачь, малыш, а то и я заплачу,
И станет нашей маме тяжело.
Ты улыбнись, и станет всё иначе,
И станет в нашей комнатке светло.

Не надо огорчать нам мамы нашей,
Ведь мы с тобой мужчины — ого-го!
Давай-ка поедим немного каши,
Её сварила мама для того.

А если будешь кукситься упрямо,
Я кашу есть не стану, так и знай.
И выскажу решительно и прямо
Тебе своё мужское: «Ай-яй-яй!

Как нехорошо!».

«Берёзка»

В нашем садике «Берёзка»
Под окном растёт берёзка.

Зимой она — приют снежинок.
Весной она — приют дождинок.

Летом птицы гнёзда выют,
И щебечут, и поют...

И поэтому у нас
Самый тихий «тихий час».

В нашей спальне всё в порядке,
Все заправлены кровати,
Все подушки на местах,
Даже тётя воспитатель,
Как вошла, сказала: «Ах!

До чего же мне приятно
От души признаться вам,
Всё красиво, всё опрятно.
Неужели каждый сам?».

«Я сам!»

«Я сам!»

«Я сам!»

.....

«И я сам!»

«Вы у меня сегодня, дети,
просто молодцы!».

Кто печёт для нас блины
Вот такой ширины,
Вот такой вкуснины,
С мёдом да с вареньем,
Прямо объеденье.
А ещё оладушки?
Это — наши бабушки!

Дождик

Стоит щенок у моих ног,
Весь-весь до хвостика промок.

И я стою и не бегу,
Как будто мы на берегу

Под дождичек попались
И... просто искупались.

Счастливый мальчик

Мальчик ножкою стучит,
Мальчик с пальчик, а кричит.

Если он такой крикливый —
Значит, он такой счастливый.

Потому ему кричится —
Хочет с кем-то поделиться...

Подходите, не молчите
Вместе с ним и покричите.

Голубок и котик

Ходит сизый голубок
Утром по дорожке,
Собирает он в зобок
Семена и крошки.

А сквозь щёлку из дверей
Наблюдает котик.
Полон ох каких гвоздей
Его славный ротик.

Не ходи ты, не ходи,
Милый, по дорожке,
Потому что впереди
Всё коты да кошки.

Лужи

Взрослые не любят лужи:
Они для них морозов хуже.

Не то, что наши малыши,
Они им рады от души.

Их тянет к ним неодолимо,
Что удержаться нестерпимо,

Когда в них даже облака
Купают белые бока

И солнце, рыбкой обратясь,
Лежит на дне их, как карась.

И хочется наперебой
Пройтись по той, по той, по той.

Пройтись по всем, по всем по ним,
Замечательным таким.

.....

И этих ребят понимаю отлично я,
Ведь каждая лужа от других отличная!

Соседи

Под крышей над окошком
Воробышек живёт,
Он раньше всех ложится
И раньше всех встаёт.

Вот он присел на ветку
И песенку запел —
И в комнатке котёнок
Спать сразу расхотел.

Из будки показался
Сердитый чей-то нос.
Чур! Чур, драчун!
Молчун! Ворчун!
Ведь ты же славный пёс!

А вот шагает в школу
С портфелем малыш
И выше он портфеля
Буквально на вершок.

Как зовут воробышка?
Чив! Чив! Чив!
Как зовут котеночка?
Кис! Кис! Кис!
Как зовут собачку?
Дик! Дик! Дик!
А как зовут мальчика?
Ко-о-ля!

Это Я!

Ночное

За селом на лугах
Много молочая.
Лознячина в руках —
Сабля что Чапая.

Наша конница ребят
В жарких битвах смелая,
Мы гоняем телят
Чуть не утро целое.

Разогнав по кустам
Армии телячьи,
Мы бежим к берегам,
Радуюсь удаче.

Мы сидеть не хотим,
Нам давай свободу!
Вверх тормашками летим
Голышами в воду.

Пока солнце высоко,
Царство нам речное.
Чуть дохнёт вечерком,
Мы уже — в ночное.

Из ворот, из окон
Мамки да сестрёнки.
Эх, несись ты, мой конь,
С ветром вперегонки.

И до самой до зари,
Пока солнце встанет,
Всё горит костёр, горит
В нашем тихом стане.

Утром с первыми лучами,
С шумом, гиком, весело
Летим... рубашки парусами,
Вдали — родимое село.

Пилю сосновую доску
И погружаюсь в тоску
По деревне, по леску.

Где прохлада —
В полдень надо.
Озерцо —
Умой лицо.

А взгляни-ка:
Земляника
И сочна,
И яснолика.

И черника,
И грибы...
Наклонялись
Только бы.

Мы на травке
У тропинки
Полежим
Рядком на спинке.

На пригорке
Посидим,
За облаками
Последим.

Вынем хлеба
Из карманов,
На всех разделим
Без обманов.

Так тропинкою лесной
Мои друзья идут со мной.

Нам по десять с небольшим,
И никуда мы не спешим.

Ах, смолистая доска,
По родным местам тоска!

Осенние стихи

В красное и жёлтое
Лес весь разодет.
По лугам с метёлкою
Бродит ветер-дед.

Бродит, что-то буркает
Про себя в усы.
Прячет он под буркою
Верные часы.

Ждёт, когда прокукает
Его условный час,
Тогда, простясь со скукою,
Метёлке дать приказ:

— Пришла пора теперечи,
Метёлочка, а ну,
С лесов всё до копеечки
Сбери в мою казну!

Но за день утомиться он
По-старчески успел.
Вот на пенёк садится он
И трубкой засипел.

Прикрыл глаза усталые...
И на какой-то срок
Пришли года бывалые,
Он — юный ветерок.

В рубашечке голубенькой
С наборным пояском
Идёт от счастья глупенький
Берёзовым леском.

А воздух пахнет мятою.
А небо — синева.
Зелёными щенятами
У его ног трава.

Уж солнце опускалось
Спать в копны на лугах,
И трубке задремалось
В его седых усах.

Из-под ресниц на бороду
Скатилась слеза...
Припомнил деда молодость,
Припомнил и сказал:

— Не буду вас я трогать
Ещё денёк-другой.
И прежнюю дорогой
Побрёл к себе домой.

Позевота

Всех, у кого есть рот,
Позевота берёт в оборот.

Зевают собаки и кошки.
Зевают бабушки в окошке.

Зевают коровы и лошади,
Когда в настроенье хорошем.

И даже поросята
Зевают, как ребята.

А как зевают птицы,
Не буду хвалиться.

Ни голубя, ни воробья
Зевающих не видел я.

И курицы, и петухи
Не знают этой чепухи.

Им просто некогда зевать,
Им надо клевать, клевать, клевать...

А кто зевает,
Тот воду хлебает...

Так тоже бывает.

Ёлочка

Это кто такой хороший,
На волшебника похожий,
Нашу ёлочку зелёную
Нарядил в обновку новую —

В шубку белую пушистую,
В шапку мягкую ушистую.

Шарф связал и рукавицы,
Как для маленькой сестрицы.

А ещё скатал пимы?..
То подарки — от зимы.

И такая вот нарядная
Стала просто ненаглядная

Наша ёлочка.

Зимнее утро

В далях перламутра
Пробудилось утро

Зимнее, морозное
И совсем не грозное.

Вот вспорхнули снегири,
Словно искорки зари,

На рябинку сели,
Сели и запели:

— Просыпайтесь поскорей,
Поднимайтесь веселей,

Взрослые и детвора!
Утро! Завтракать пора!

Предновогоднее

Звёзды в небе ярко блещут,
От мороза все трепещут.
Кто б ни вышел на мороз,
Он хватъ-похватъ того за нос.

При такой как раз погоде
И мечтать... о Новом годе!

Речка Бурундук

Все озёра и все реки
Уж свои сомкнули веки,
Только речка Бурундук
Припозднилась от подруг.

Вот, как справлю Новый год,
И начну её обход.

Подойду к ней: «Тук! Тук! Тук!
Здравствуй, речка Бурундук!
Как твои карасики
Отмечают праздники?

Я пришёл к вам не с крючком,
Не с обманным червячком.
Я пришёл, как товарищ,
Вот лежу на льду ничком».

И сквозь лёд, как сквозь кристалл,
Мне подлёдный мир предстал.

Вот проплыли пузырьки
Целой стайкой, как мальки.
Им вослед принёс поток
И травинку, и листок.

Вот со дна поднялась рыбка
И скорей обратно вниз.
Её промельк, как улыбка,
Как восторг и как каприз.

Я стремлюсь необычайно
Глянуть вглубь, но там всё — тайна.
Может быть, карасикам
Сегодня не до праздников?..

Всё равно.

Будь, вода Бурундука,
Им, как мёд, сладка-сладка.

А пока пока-пока!

Начало года

Январь. Мороз. Начало года.
В снегах пуховых спит природа,
Совсем, как малое дитя,
Под щёку руки покладя.

За городом лесок сосновый
Весь в куржаке, как в шубке новой.
Бежит воскресная лыжня,
Морозной свежестью дразня...

И манит за собой меня.

Февраль снега протёр на тёрке
И холодам подвёл черту.
Я в старом парке возле горки
Тебя впервые в жизни жду.

В той шубке, памятной до боли,
Пришла ты мной повелевать.
И я послушно, как невольник,
Готов приказы исполнять.

И вот, смешной и оробелый,
Ни жив, ни мёртв, иду с тобой...
А снег валит! Он белый-белый...
Он белый — прямо голубой!

И он дышал таким покоем,
И мне казалось в этот час:
На всей земле лишь мы с тобою,
И нет других счастливей нас.

О, тот щемящий миг разлуки,
Когда хотелось помереть,
Держа в ладонях эти руки,
И ни о чём не сожалеть!

Видно, так повелось уж исстари,
В человеческий войдя обиход,
Мы желаем друг другу искренне
Всего лучшего в Новый год.

Чтоб улыбчивым было небо,
Чтоб не ссорились люди Земли,
Чтоб хватало тепла и хлеба,
Хорошо бы ещё... любви.

И чтоб дети не знали сиротства,
И чтоб старость была свята,
И чтоб были в цене благородство,
Добродетели и простота.

И, однако, сегодня только
Я желаю всего сильней,
Чтобы в каждой семье была ёлка
И горели б огни на ней.

С песнями и смехами
По дороге ехали
На машине «Жигули»...
Ой, дид-ладо! Ой, лю-ли!

Справа — поле. Слева — поле.
А вдали синеет лес.
И ликуем поневоле
За отеческий прогресс.

Вот под толк и перекрики
Разгрузили короба.
А тайга-т от голубики
А голуба-то, голуба...

И до самого рассвета,
Как живая, наяву
Голубика снится эта —
Ем и рву, и рву, и рву...

Таёжный ручей

Пожухла небес синева,
С дерев облетела листва.
Шумят невозможные ветры,
И стонут пространств километры.

Хоть звери давно и зверушки
Кто в норке уже, кто в норушке.
А всё ж не идёт из ума:
Какой она будет — зима?

И только таёжный ручей
Не слышит тревожных речей.
Он звонкую песню поёт
И мчится вперёд и вперёд.

Когда мне стало плохо
И лечь пришлось в кровать,
Все в доме стали охать,
Шептаться и вздыхать.

И загрустил вдруг папа,
И загрустила мама,
Сестрёнка загрустила,
И сам я приуныл.

Но вот пришёл к нам доктор
С игрушкой на шнурке
И мне оставил что-то
В красивом пузырьке.

И я по чайной ложке
Три раза в день попил
И снова встал на ножки
И боли все забыл.

И улыбнулся папа,
И улыбнулась мама,
Сестрёнка засмеялась,
И мне самому стало очень и очень
Весело!

Нипочём не отгадать мне масти
Лошадей — каурки и гнедки,
А когда-то ведь по этой части
Были мы большие знатоки.

В нашем Усть-Чижапском детском доме
Было их, пожалуй, пони кроме.
Знали их по масти и по кличке,
По повадке, норову, привычке...

Если бы мне было знать заранее,
Я бы сохранил все те познания.
А теперь мне каждая лошадка,
Словно не раскрытая тетрадка,

Где ещё ни буковки, ни точки,
Ни единой мало-мальской строчки,
Да и что в ней будет — неизвестно,
А узнать об этом интересно!

Вдохновение

От графомана до гения
Поэт — человек вдохновения.
Прежде чем вдохновиться,
Надо ему удивиться.

Закату. Восходу.
Собачке. Народу.

Радости. Горю.
Ручейку. Морю.

Снежинке. Дождинке.
Дороге. Тропинке.

Птичке. Цветочку.
Любому росточку...

То есть всему, что вокруг,
Он должен быть истинный друг.

А если он не такой,
То и поэт... никакой.

И даже не графоман!

Юлии

Отпуск у Юли —
В начале июля.

Хорошее время!

Она поедет к речке,
Скорей всего, что — к морю,
Где волны, как овечки...
Барашки!
Я не спорю.

И тама аки-паки
Влюбится в Сиртаки,
А также в Чунга-Чанга,
Но только, как... гречанка.

Чтоб после, как вернуться,
Могу вообразить!
Нам эдак улыбнуться —
И сразу всех сразить.

Машеньке

Плачет Маша,
Нос раскис.
Мяу-мяу,
Кис-кис-кис!

Ты куда ушёл,
Коток?
Ни в кино,
Ни на каток.

Ни на выставку
В музей.
Ни в салон —
Завить узей,
То бишь усы...

Может, ты
Недалеко.
Видишь, как нам
Нелегко.

И на все для Маши
Сказки
Не смыкает Маша
Глазки.

Приходи скорей
Домой —
Нашу Машу
Успокой.

Спой ей песенку
Свою —
Баю-баюшки,
Баю!

Машенька!

Ляг удобней
На бочок
И глазоньки закрой.
А вот и Вася —
Котик наш:
«Я, мур-мур,
С тобой...».

С добрым утром, бабушки.
С добрым утром, дедушки.
Поиграл бы в ладушки,
Да вот время... нетушки.

И у вас, наверное,
Настроенье скверное,
Хоть скреби по темени,
Всё в прошедшем времени.

Эх ты, старость, старость,
У тебя осталось
От всех вер немного —
Только вера в Бога.

Сентябрьский ветер

Грустные мысли наводит сентябрьский ветер.
Листья берёз законных, как бабочки, в окна летят.
Вижу опять: огонёк наш детдомовский светит,
И возле лампы склонились затылки ребят.

Лучший чтец нам читает «Это было под Ровно»:
Как партизаны отважно захватчикам жар задают.
Громко бьются сердца, и мы дышим неровно,
И богатырские тени на стенах встают.

Всё проходит...
И вот уж никто в эти «сказки» не верит,
Ну и ладно, не верят, подумаешь, эка беда?
Вот уйдём мы, за нами захлопнутся двери,
И не будет в России товарищей, будут все... господа.

Ручейки весенние

Прилетели к нам скворцы,
И с собою сорванцы
Привели весенний ветер,
Как лошадку, под уздцы.

Встрепенулися ручьи:
«Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы? Чьи?».
Ничего не понимают,
И ложатся спать к ночи.

Отоспятся. Отойдут.
Утром дальше побегут
Прямо к речке. И с рекой
Добегут к волне морской.

Там волюются в океан,
И до самых дальних стран.
Все преграды обойдут,
Но привет передадут
От нас.

Выпускное

Было небо синее,
Были мы красивые,
Весело и молодо
Шли себе по городу.

Говорили кто о чём
И смеялись ни о чём.
Все экзамены сданы,
Все зачёты учтены.

Вот диплом — экзамен трудный,
На груди — значок нагрудный.

Впереди работа —
Главная забота.
Солнце светит ясно,
Всё кругом прекрасно.

Альма-Матер, дорогая,
Ты для нас навек святая.

.....

Что мы достигнем! Кем мы ни станем...
Быть благодарными мы не устанем.

Просыпаюсь в лесной избушке
Под голос вещей кукушки.

Ах, кукушечка-кукушка,
Нагадай мне много лет.
Расскажи, моя подружка:
Буду счастлив или нет?

А кукушка-хохотушка
Подавала лишь голосок,
И скорее за лесок
Полетела-полетела...
Не моё, мол, это дело.

Сам, как хочешь, понимай,
Ведь сегодня — месяц май!

Сторона родная,
Уголок России,
Где ещё, не знаю,
В далях столько сини.

Даже безызвестный
Бочажок — озерце
Обнял, как невесту,
И держал б у сердца.

Тучка

Вышла тучка из-за леса
Очень странного замеса...
Хоть бы кустик при дороге,
Хоть бы стог.

Как взглянула на меня...
«Вот так-так», — подумал я
И тотчас почти до ниточки
Промок.

Люблю любое время года,
Такая, видимо, порода.

Люблю зимой игру снежинок.
Люблю весной напев дождинок.

Люблю цветущий летний луг.
Люблю осенний гулкий звук.

Люблю, как русский человек,
И жар, и хлад. И дождь, и снег...

И, может, это потому
Я рад всему.

Ветер провода перебирает,
Словно струны голубой гитары,
То слегка коснётся, замирая,
То вздохнет и яростней ударит.

Я в дороге, я опять в дороге,
И покоя мне ничуть не жаль.
Я люблю глазами трогать
Всегда волнующую даль.

Пусть споткнусь я, пусть мне станет больно,
И слеза застелет мне глаза...
Но в душе нет места слабостью:
Выйдя в путь, не поверну назад.

И только ветер, только добрый ветер
Мне по памяти сыграет что-нибудь —
Это от тебя мне передаст привет он
И пожеланье: «Добрый путь!».

Наша Маша что-то плачет
Это что-то что-то значит,
Это значит, что она
Комаром уязвлена.

Как, комарик, ты посмел?
Видно, очень храбр и смел.
Но имей себе ввиду —
Попадёшь у нас в беду.

Пристыдили...
И опять
По аллейке шлёпаем.
Будешь снова приставать,
Мы тебя отшлёпаем.

Нравы

Небо дарит нам подарки
Ото всех щедрот природы –
Если день сегодня жаркий,
Жди на завтра непогоды.

Нрав людской хитер и крут.
Зазеваешься — сотрут...
А может, в том и славное,
Что не в этом главное.

Елене

Ах, что ни говорите,
Но в мире почему-то
Всё множество открытий
Посвящено кому-то.

И я их понимаю...
И в этот самый час,
Когда стихи слагаю,
Я думаю о Вас.

Отпуск

Среди множества людского
Не во сне, а наяву
Мимо берега морского
«По-морскому» я плыву.

А вода-то, что панбархат,
Как сказала бы сестра.
Как тут радостно не ахнуть
Как не крикнуть тут: Ура-а-а!

Отпуск.
Дивная пора!

Шутка

Мы с тобой два гения.
Нам с тобой — Ура!
Мы оба, как поления
Из одного костра.

Пусть даже наши рифмы
Корявые как рифы,
Мы всем на удивление,
Как к горе — гора.

Своих великих надо знать в лицо,
Они не частое явление, —
Сказали мне, я на крыльцо
Родного шёл учрежденья.

Привет и вам! Привет! Привет!
Спешу избавить от мороки.
Увы! Увы! Я не великий, нет.
Я — невысокий.

В минуты мутных мыслей

Рабочим СССР

Не ради денег и похвал
Вы каждый в строй рабочий встал.

И есть у вас негласный суд,
И этот суд зовётся труд.

Я сам судим был тем судом
И не стыжусь признаться в том.

Не зря же ведь и по сей час
Есть звание — рабочий класс.

.....

И вот прошли товарищи,
Явились господа.
Теперь вы все работники
Наёмного труда.

Хочу слугой народа стать.
Хочу утешить свою стать.
Как только стать свою утешу,
Я прежнюю в углу повешу...

Не возбраняется ж мечтать.
Или вообще задвину куда-нибудь
Подальше.

Пришла беда,
Открывай ворота.
Принимай гостей
От всех волостей...

И вот забота —
Чинить ворота.

Привет поэтам
На свете этом,
А на том
Скажу потом.

Только вы не разбегайтесь,
А то, я знаю вас,
Чуть что — и раз...

Новый холмик за холмом.

**Моление русского народа
Народам цивилизованных стран:**

— Купите нас. Купите нас,
Мы всем народом просим вас.
Или возьмите в аренду
За самую малую ренту.

Лет этак на сорок на девять,
А то мы не знаем, что делать...
Или уж сразу на сто лет.
Купите. Возьмите. Чего вам стоит?

Ведь просим мы самую малость...
Или у вас от Рюрика
Совсем никого не осталось?

Не могу расстаться с прошлым,
Как с хорошим, так и с пошлым.
Они во мне. Они вокруг,
Как будто я их лучший друг.

Себя ругаю и ругаю,
Подобно попке-попугаю:
Дурак-дурак. Дурак-дурак.
И понимаю, это — так.

Ну что ж!

Земная жизнь не получилась.
Сам допустил, что так случилось.
Положусь на небеса...
Надо ж верить в чудеса!

Щегол

Щегол уже не пел давно,
И наконец решила детка —
Весенним утром за окно
Повесила стальную клетку.

И он запел. Поёт, поёт
Свободы и полей племянник,
Что где-то есть, что он цветёт
Большой, пахучий конопляник.

Ах, если б дверцу приоткрыть,
Он бы нашёл к нему дорогу
И не престал б о вас молить
Своею песней перед Богом.

Шли люди, всяк в своей красе,
Лишь только я стоял и слушал...
Ну почему даны нам всем
Такие маленькие уши!?
И жёсткие сердца!

P. S. Давно не слышал я и не видел ни щеглов, ни чечёток, ни репелов, ни других, зимующих у нас певчих птиц, потому что уничтожают конопляники, а ведь семена конопли — их основная пища в зимнюю бескормицу.

Представим: если некоторые наши недобросовестные сограждане вдруг научатся гнать какую-нибудь гадость из берёз?

Что тогда!?

Коммунары

«Никогда, никогда, никогда
Коммунары не будут рабами» *.
Вот прошли с этих далей года,
А итог им подводим мы с вами.

Коммунары!

Ваши вожди не стали рабами,
но стали они господа.
В том радость России или беда?
Нерешенный вопрос между нами
и по сию пору.

* Стихи Василия Князева, 1918 г.

Полустанки

Тюмень – Томск, 1999 г.

Полустанки. Полустанки.
Бывшей Родины останки.
Из вагона поезда
Даже видеть боязно...

От станции до станции –
Безмолвные дистанции
Ни людей, ни ребятишек,
А не токмо их излишек.

Поля давно не сеяны,
Их пахари рассеяны.
Ой, беда, беда, беда,
Разбежались кто куда.

Разбежались. Разлетелись.
Расползлись.
А чего тут, в самом деле,
Злись ни злись.

Всё за них решили где-то
Наверху.
Не дано им знать про это –
Кто есть Ху!

Что ещё должно случиться,
Разве можно поручиться?
Всё возможно. Всё возможно.
Этот вид понять несложно.

И по брошенным просторам
Взгляд скользит немым укором...

Вдруг оживил картину ту
Бычок, привязанный к шесту,
Жующий, видно, лист капустный,
И тот какой-то грустный, грустный.

Р. С. Тут загрустит и не только бычок!

Зов цветов

Сомнения грудь
Сдавили, пусть
Я вышел в путь
Развеять грусть.

Сто бед и зол
Пройти готов,
И вдаль пошёл
На зов цветов.

Иди, поэт,
Иди сюда,
Увидишь, нет,
Ещё когда.

Такой простор,
Такой узор
Где каждый лист
Ласкает взор.

И я иду
И счастья жду,
Вдруг будет весть —
Тут я и есть.

Идеал жизни

На душе моей отрада:
Встал с ноги, с которой надо.

Моюсь, бреюсь,
На что-то надеюсь.

После чая с бутербродом
Выхожу шагать с народом.

Левой — правой. Левой — правой
Мы идём походкой бравой.

Верхом — низом, верхом — низом.
Прямиком в капитализм.

Он теперь у нас в стране
Всё равно что свет в окне.

С ним ложимся, с ним встаём,
С ним и плачем, и поём.

С ним такая благодать —
И купить что, и продать.

Вот и стал владетель сей
Идеалом жизни всей.

Но, как всякий идеал,
Быть им попросту устал.

P. S.
Неприменно устанет.

И споёт народ ему,
Справедливо по всему:

«Good bye, наш кап. * Good bye!
Откуда взялся, туда и ступай».

* капитализм

Украина — це Европа

Украина — це Европа. Украина — це Европа.
Мы в Европу пидем скопом.

И как только НАТО
Станет нашим тато,
Вот уж мы тогда-то
Заживем богато.

А то эти москали
Сало все уволокли
И сожрали гады,
Оттого и рады.

Так без його в том ЕЭС
Пропадёт к нам интерес,
И куда тогда мы,
Господа и дамы?

ТЬфу...
Кажу по мове —
Пани и панове!

Одуванчики

Одуванчики наш город украшают,
А градоначальство раздражают:
«Как они посмели расцвести?..
Срочно их под корень извести.
Тут мы добываем нефть и газ,
И они мешают нам как раз».
И привозят с юга косарей
С ними посчитаться поскорей.
Косари напористы и ловки —
Покатились жёлтые головки...
Город был красивый и нарядный,
Стал какой-то серый, неприглядный
Даже дети не поймут никак:
Чем они (*одуванчики*) достали дядей так?

Возрастное

Люди с возрастом хужеют,
И помыслы их о прекрасном ужеют...
Тут думай не думай, годы идут,
На нас они сети незримые ткнут.

И в них утопает народ безутешный...
Не вы! Не вы! Но я, аз грешный.

Пожелание

Если был я поумней,
Я бы жил чуть-чуть иначе.
А теперь, скорбя и плача,
Я влачу остаток дней.

Я секретов не нарушу,
Не открою важных тем –
Не распахивайте душу,
А бы было перед кем.

Дабы злу вас не осилить,
Помолитесь на осины,
На берёзы же, а там...
Да сходите лучше в храм.

И надёжней, и верней,
И счастливых многих дней!

Когда я учился в школе (это 50-е годы 20-го столетия),
я был кучеряв и розов.

Возле нашей школы у парадного входа стоял
на постаменте памятник мальчику в полный рост,
и это был

Павлик Морозов.

Прошли годы, пролетели они, прожужжали.

Сменилось столетие. Изменилась страна,
а с ней и её скрижали.

И я в свою очередь стал не кучеряв и не розов.

Всё же решил посмотреть: как он там Павлик Морозов.

Приехал. Прошёлся у здания школы в душевном волнении,
а что если здесь я уже позабыт и не свой.

И вижу: Павлик Морозов вдруг сам по себе стал
Олег Кошевой.

— Что делает время! — я тяжело и тяжело вздыхаю.

Всё в этой жизни возможно, и я эту жизнь понимаю.

PS.

Хотя бы. Хотя бы. их рядом поставили, что ли?

А в прочем, давно-предавно я не учусь в этой школе.

Страна Россия

Страна Россия — купи-продай!
Страна Россия — возьми-подай!
Страна Россия — сие кто рек?
Страна Россия — я, человек!

Страна Россия — хотел бы знать,
Чем она дышит, родная, «знать»?
Она, родная, воссев в Кремле,
Забыла тут же, что на земле
Её Отечества

Умирает язык.
Вымирает народ.
Хоть зайдёшься на крик —
Неизменен исход.

Дело, видится, дрянь.
Нет, постой, не шути...
Неужели и впрямь
Нет иного пути!?

Был я молод. Надежды кипели.
Был я горы готов своротить.
А теперь вот плетусь еле-еле,
Но с пути не могу своротить,
То бишь, свернуть.

Вот такая случилась штуковина
Ерунда. Ерунда. Ерундовина.
И к чему теперь ахоньки-охоньки,
Мои горы, как прежде, — целёхоньки.

Листья осенние

Кружатся листья осенние,
Как рой потревоженных ос,
Будто я гнёзда осиные,
Идя невзначай потрёс.

*Надо бы сказать потряс,
но ничего, не слишком уж...*

Только они не жалятся,
И, может быть, мне одному
По-детски на что-то жалуются,
Вот только на что — не пойму.

Перестройка

Тружусь, как землеройка,
Обеими — двумя...
Но, снова перестройка,
И вновь без норки я.

И что бы я ни делал,
За мной какой-то демон
Глядит и день и ночь,
А нет, чтобы помочь.

Да куда там!

Каждый забежавший на Север
С рюкзаком
Мнит себя по крайней мере
Ермаком.

Чтоб в карман — зарплата,
И на грудь — медаль
А зачем срываться
В такую даль.

Совестью не мучась,
Бронь «заколотил»
Так, на всякий случай
Обеспечить тыл.

И в таком вот плане
«Шпарит» впереди.
Заимел в кармане,
Есть и на груди.

Что им всем природа,
Что им всем зверьё,
Ведь они — порода,
Эха, ё-моё!..

Вы таких видали,
Их довольно густо,
На груди — медали,
А в груди-то — пусто!

Родина родная —
Чудо из чудес,
Где края без края
Без лесины лес.

В здоровенном зданье
Полный непокой —
Каждый житель занят
Лишь самим собой.

Смехачи — смеются,
Трубачи — трубят,
Пешие — плетутся,
Едоки — едят.

А чему дивиться,
Все своё нашли,
Ведь, как говорится,
Мы к тому и шли.

Экономические форумы в С-П

Приходите нами править,
Те, кто слева, те, кто справа,
Те, кто сверху, те, кто снизу,
Нам пора поставить изму.

Слабеет Русь. Смуглеет Русь.
Сказать, что станет, —
Не берусь!

Товарищи!
Налегай на щи,
На компот и кашу,
Мать вашу!

А кто в них роется,
Выходи строиться.

Почему живу я плохо!?
Виновата не эпоха.
Не Чубайс и не Борис,*
Хоть ты насмерть заборись.

Виноват я сам, однако,
Что такая вот бабака
Что не принц, не жительмен,
А простой российский мен.

Фу-ты ну-ты, как же так,
Оказался я — дурак?!..
Нет, ты им не оказался,
Ты им был. Теперь — остался.

* Анатолий Чубайс и Борис Ельцин — ярые разрушители
советского государства

Подготовка к выпускным

...А солнце тянется всё выше
И льёт свой свет во все концы.
Как хорошо лежать на крыше
И слушать как поют скворцы.

Они в таких краях бывали,
Они таких певцов слыхали,
Что воробьи вся двора
Сидят молчком, как школяра.

Но и у них на счёт гостей
Есть кое-что из новостей.
Поют, минутку улучив,
— Чив-чив! Чив-чив!
— Чив-чив! Чив-чив!

Колечко

Колечко, колечко,
Успокой сердечко,
Покатись по кругу
Выбери подругу.

Пусть знает вся округа,
И все, кто есть вокруг:
Она моя — супруга,
А я её — супруг.

Вот так!

Кураж

Везут народного туза,
Серена ржёт, как гармоза,
Пьяненького ухаля,
Что исходит — Ух! — оря.

«Разойдись, да расступись,
Никого не знаю,
Лучше в ноги поклонись,
Вот тогда сыграю!..»

Что тут скажешь?

Что мне сказать про него —
Благодетеля моего?

Мой благодетель речист,
Мой благодетель плечист,
Мой благодетель
О ближних радетель,
Он, может, и на руку чист.

Дорожное

Ну что, дорогой, коль сумеем
Приимем привет и ответ
О том, что имеем — немеем,
Теперь поглядим: чего нет.

Нет горя большого, чтоб плакать,
Нет радости, чтобы визжать.
Однако. Однако. Однако.
Пора нам с тобой уезжать.

Поедем. И будет что будет.
Чего ожидаем мы тут?
Уедем. Нас здесь позабудут.
Приедем. А там нас не ждут.

Романс

Боже мой! Боже мой! Боже мой!
Что же это случилось со мной?
Будто лёгкий туман
Приоткрыл вдруг экран —
Что-то близкое жизни самой.

Вот и вспомнились годы былые —
Голубые глаза, голубые.
И сказали они
Про счастливые дни,
Про ушедшие дни золотые.

Что же сердце так бьётся, так бьётся —
Это всё, что ему остаётся.
Что не нужно о том
Оставлять на потом,
Что потом никогда не вернётся.

Россия начало ХХI века

Как мы жили-выживали,
Объяснят уж нам едва ли.

Кто все эти — богачи?
А эти кто, хоть плач-кричи?

Мы по душевной простоте
Простили всем деянья те.

Ныне всё же что-то есть,
Что попить и что поесть.

Что надеть, и что обуть...
Может, станется, мабудь.

Где он? Где он, светлый путь?

Поздний путник

Поздний путник стоит на дороге,
Жуткий холод вгрызается в ноги.
Он стучит их одна о другую,
Ни один не берет ни в какую.

Как он там оказался неважно,
Что судить человека облажно.

Пролетают машины, как совы.
Запирайте души на засовы.
Закрывайте окна и подъезды.
Открывайте форумы и съезды.

О доверии. О человечности —
Неразменных ценностях вечности...
А когда подведете итоги,
Что там будет на этой дороге?

Эх, Россия! Россия! Россия!
Неразумная Родина-Мать.
Ты сняла с себя всё, что просили,
Стала с деток родимых снимать.

Ничего, мол, и всё — слава Богу.
Мы и так как-нибудь проживём.
Вот и дети твои у порогу,
Ну а эти-то чьи — за столом?

Отъедятся они, отоспятся
На хлебах и кроватях твоих,
Да как вцепятся, да как вцепя́тся,
Да как вдарят твоим-то под дых.

Сколько холмиков ты оросила
Материнской слезою своей.
Эх, Россия! Россия! Россия!
Ты своих хоть чуть-чуть пожалей.

Проза

Нашу сказку мы начнём, как начинали в старину рассказывать сказки наши пра-прабабушки и пра-прадедушки. То есть в некотором царстве, в некотором государстве жил-был...

Так вот... В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь со своей прекрасной царицей, и было у них пятеро — 5! — сыновей. Все они были высокие, стройные, красивые, с высшим образованием и без вредных привычек.

Тот царь был хорошим царем. Он ни с кем не воевал, и с ним не воевал никто. Со всеми соседями он жил дружно. И все соседи жили с ним дружно. И все его подданные гордились, что у них такой умный, справедливый и добрый царь. Как все цари, с которыми он был знаком, наш царь любил охоту, балы, иногда и пиры (по праздникам), а вечерами просто посидеть у телевизора в кругу своей семьи.

Но вот как-то все его приближённые и даже простые подданные стали замечать, что с их государем (царём-батюшкой) происходит что-то не совсем ладное: поедет ли он на охоту, удачная охота, а вот нет на лице его прежнего восхищения, хотя и старается не подать вида, а от людей-то не скроешь.

Ни балы, ни пиры, ни соревнования (тогда их называли турниры) не давали должного результата. И приближённые царя-батюшки решили найти хоть в своём царстве, хоть в каком другом самого мудрого-премудрого мудреца, какого ещё только можно было отыскать в то время. Они просмотрели все предложения по каналам телевидения, все смартфоны и всевозможные фоны, куда только можно было войти и заглянуть.

Многие вызывались помочь царю-батюшке, но просили такую плату, что невольно создавало подозрения об их возможностях.

А тот, кто был нужен, отыскался сам. Он пришёл во дворец и сказал приближённым, что готов помочь царю-батюшке и совершенно бесплатно. Приближённые были немало удивлены, что мудрец, человек уже немолодой и довольно нуждающийся, готов помочь самому царю, не спрашивая за это абсолютно никакой платы.

Всё же они провели мудреца в кабинет царя и стали ждать... что будет! Мудрец тихо поклонился царю и попросил разрешения осмотреть его. Царь согласился. Надо сказать, что кабинет царя был просторным и светлым, ничего лишнего ни на стенах, ни на столе не было. Все царские отличия находились в особой комнате и под охраной (на всякий случай), как того требуют правила.

Мудрец возложил руки на голову царя, посмотрел в глаза, потрогал мочки ушей, попросил открыть рот и сказать: «А». Царь все просьбы мудреца выполнил беспрекословно, как выполнил бы всякий послушный ребёнок. Потом попросил его присесть и вытянуть руки, а когда царь поднялся, то взял своими руками кончики пальцев царя и слегка потряс их. Царь даже улыбнулся, улыбнулся и мудрец.

— Вы, Ваше Величество, телом совершенно здоровы. Беспокоит Вас, Ваше Величество, простите меня за прямоту, Ваша душа. Для души, смею Вас заверить, Ваше Величество, самое лучшее лекарство — это хорошая книга.

— А есть ли она в моей библиотеке? В моём государстве?

— Этого я Вам, Ваше Величество, сказать не могу, мне не дано. Скажу только, что принести её Вам должен человек, которого Вы очень любите и кто Вас, Ваше Величество, любит, и Вы для него — самый дорогой человек.

— В моём государстве каждый его гражданин готов мне оказать любую услугу, — сказал царь.

— Это хорошо, — ответил мудрец, — и всё-таки, надо, чтобы это был, Ваше Величество, очень близкий, очень дорогой Вам человек.

— Самые близкие мне люди — мои сыновья, их пятеро, замечательные ребята, и мне не хотелось бы отпускать их от себя надолго.

— Ваше Величество, послушайте меня, попросите их, это верная служба.

С такими словами мудрец сложил руки на груди, поклонился и стал пятиться к двери.

Царь оглядел свой кабинет, чтобы найти что-либо, чем он мог бы вознаградить мудреца, взгляд его ни на чём не мог остановиться, так как кабинет был весьма прост. В нём было то небольшое, что необходимо для работы. А когда царь обратился к мудрецу, чтобы в знак благодарности хотя бы сказать спасибо и пожать руку, того в кабинете уже не было.

Царь вышел в приёмную и спросил у приближённых, не заметили ли они человека, только что бывшего у него.

— Не-е-ет! — в недоумении ответили приближённые, — мы были здесь, мы никуда не отлучались, мы бы заметили.

— Да! — подумал царь. — Это был воистину мудрый человек.

— Господа, пожалуйста, — сказал он приближённым после некоторого молчания, — пригласите моих сыновей, у меня к ним очень непростой разговор.

Когда сыновья пришли, он сказал им:

— Дети, дорогие мои, я очень нуждаюсь в вашей помощи.

И он передал им весь разговор, который у него был с мудрецом, и что мудрец посоветовал ему найти книгу, а какую — не сказал.

— Я думаю, сердце вам подскажет, что это за книга, и снова у нас в отечестве всё будет, как сейчас принято говорить: Тип-топ!

— Хорошо, отец! Государь! Ваше Величество! Мы готовы! Мы найдём эту книгу! Мы сделаем!

— Если в течение месяца такая книга вам не встретится, возвращайтесь, — сказал растроганный отец, — я и ваша матушка более длительной разлуки не перенесём.

Сыновья царя-батюшки вышли на самую середину государства и стали решать, кому в какую сторону идти.

— Я, — сказал старший брат, — пойду на север, этот путь малоизвестен, и на нём всякое можно ожидать.

— Тогда, — сказал следующий за ним брат, — я пойду на юг, там жара, безводье, степи бескрайние, пески, пусть этот путь будет моим.

— Я пойду на восток, — сказал третий брат.

— А я — на запад, — сказал четвёртый.

— А ты, — сказали они младшему брату, — можешь пойти в любую сторону, но после того, как мы скроемся из виду.

— Встречаемся ровно через месяц здесь же, на этом месте, — сказали они, как клятву друг другу, и пошли каждый в свою сторону.

Младший брат стал ждать. Вот братья уже далеко. А вот и совсем их не видеть.

— Что ж, — решает младший брат, — надо и мне идти. Но куда?

— А сделаю, как делается в сказках: покручусь через правое плечо, покручусь через левое плечо, куда выйдет, туда и пойду.

Так и поступил.

Вот он идёт и внимательно смотрит под ноги: не встретятся ли где следы братьев? Нет, не встречаются.

— Хорошо, — подумал он про себя, — никому дорогу не перейду, сам буду искать.

Отправимся и мы за ним.

Старшие братья — более опытные, они и с пути не сойбьются, и найдут, что надо, и вовремя возвратятся.

Идёт младший брат. Заходит во все селения, во все города, во все встречающиеся библиотеки, большие и маленькие. Бывало, попадались такие книги, что только в царских библиотеках и должны находиться. Но как будто внутренний голос нащёптывал ему: не торопись, есть ещё время, в крайнем случае, на обратном пути возмёшь. И он шёл дальше. Вот младший брат, назовём его Иваном, стал уставать, стал чаще делать остановки и, наконец, решил: «Перейду это поле, пройду лесок и, если что, поверну обратно, а то не успею возвратиться к назначенному времени».

А тучки-то набегают и набегают, дождик закапал, темнеть стало. Слышит он: вроде звонят где-то недалеко, совсем рядом. Сверкнула молния, и в свете её он увидел маковку храма со крестом, стены, ворота.

— Монастырь! — обрадовался Иван такому видению. — Будет где обсушиться и передохнуть перед обратной дорогой.

— Проходите, добрый человек, — сказал привратник, открывший ему, — я провожу Вас к настоятелю, он распорядится.

Нашему путнику дали переодеться в сухое чистое бельё, накормили, но расспрашивать не стали, ибо утро вечера мудренее.

После утренней молитвы и трапезы настоятель пригласил Ивана к себе и узнал от него всё, о чем вы уже прочитали.

— Я помогу Вашему, — он хотел сказать «царю-батюшке», но сказал только батюшке.

С этими словами он подошёл к книжному шкафу, взял книгу и положил её перед Иваном.

— Евангелие, — прочитал Иван.

— Эта книга скромно издана, — сказал настоятель, — а в ней заключена такая сила, какой нет ни в какой другой. Она и мне помогла, помогала и многим другим людям, поможет она и вам, только читать её нужно с верой, без веры это будет простое занимательное чтение.

Иван достал свою дорожную сумку и хотел спросить о цене, но настоятель тотчас остановил его руку:

— Этот дар оплате не подлежит. Не смею Вас задерживать. Счастливого пути. Благословение Божие будет сопутствовать Вам.

Иван поклонился и оставил стены монастыря.

Какое чудесное утро встретило его. Вскходило солнце. Воздух был чистый и ароматный. Капельки дождя блестели на листьях деревьев и стеблях травы, как разноцветные изумруды. Птицы пели с таким воодушевлением и такой самоотдачей, что Ивану самому захотелось запеть. Ах, если бы крылья! Он бы взмахнул ими и полетел!

Братья собрались все вместе в обусловленное время без опозданий. Их восклицаниям не было конца. Они смеялись, тискали друг друга, прыгали от радости, как маленькие дети, жали друг другу руки, что прохожие, увидевшие это, останавливались и с восхищением глядели на них.

Книги братьев действительно были дорогие, красочные. Обложки их были инкрустированы множеством самоцветов, серебром и золотом, и нельзя было сказать, какая из них лучше.

В книге старшего брата было рассказано об удивительных северных странах, об отважных путешественниках, о природе тех краёв, о животных, обитающих там, и многом-многом другом. И всё это было иллюстрировано такими рисунками, что казалось: помести их в рамки, да повесь на стену — получится целая картинная галерея.

Книги других братьев нисколько не уступали книге старшего брата. В них говорилось о тех местах, которые они встречали на своём пути, о народах, живущих там, о культуре, о приветливости и дружелюбии их. И обложки книг тоже были инкрустированы невидимыми дотоле драгоценностями.

Потом упросили и младшего брата показать свою книгу, и, хотя она была довольно скромна на вид, они бережно передавали её друг другу, листали её страницы, читали высказывания ранее неизвестных им персонажей и сказали почти одновременно:

— А что, возможно, эта книга как раз та самая, какая нужна нашему отцу!

И они пошли во дворец.

Царь и царица не могли скрыть радости, увидев своих сыновей такими хорошими, бодрыми, дружными и возмужавшими, что царица даже прослезилась от нахлынувшего на неё умиления.

— Мы с вашей матушкой всегда верили в вас и счастливы, что у нас такие сыновья, — сказал Его Величество царь-отец. И ещё, — добавил он, — все книги по-настоящему царские подарки и они займут в моём кабинете подобающее им место.

— Теперь, — сказал он, — можете идти к себе, отдохните, приведите в порядок свои дела. Я приглашу вас, когда мы с царицей основательно познакомимся с вашими подарками.

Спустя непродолжительное время царь пригласил их к себе во дворец, и братья увидели: их книги стояли каждая на отдельной полочке, прикреплённой к стене напротив стола Его Величества, а Евангелие находилось на рабочем столе справа.

— Мы с Вашей матушкой решили, что эти книги всегда будут перед моими глазами, а Евангелие — всегда под рукой. Теперь нам надо подумать и о ваших свадьбах,

вы совсем взрослые стали, и мы не сомневаемся, что и невесты есть на примете у каждого. Пора вам обзаводиться своими семьями.

— Согласны! Согласны! — воскликнули братья. — Все пять свадеб соединим в одну.

И был пир, как говорится, на весь мир. И все жители от души радовались, что у них такой государь, а у государя такие славные сыновья. И на многие-многие годы в их царстве-государстве всё было, как сейчас принято говорить, Тип-топ!

Тысяча девятьсот семидесятые...

Сижу в аэропорту Рощино. Это Тюмень. Прошёл регистрацию, но самолёт не выпускают: не принимает Север. Там низкая облачность, дождь, размыты песчаные посадочные полосы. Надо ждать, когда в облаках появятся просветы и полосы приведут в порядок.

В Тюмени тоже погода не очень, стоит водяная пыль, плотная, как туман. Здание аэровокзала забито пассажирами, просто негде прислониться, не то чтобы присесть.

На дворе тысяча девятьсот семьдесят какие-то годы, время открытий и активного освоения нефтяных и газовых месторождений Среднего Приобья.

Похожу по вокзалу, выхожу на улицу, там пройдуся разок-другой вдоль здания от одного угла к другому туда и обратно и начинаю сначала.

Слева от привокзальной площади — павильончик. Зашёл от нечего делать, заодно и перекусить. Возле павильончика посажены деревья, под ними скамейка. Постелил газетку, присел, коть немного дать отдыха ногам.

Сижу.

Какая-то всполошившаяся стайка воробьев от того торца здания перелетела на этот и расшумелась ещё пуще. Галка, прежде гулявшая по крыше, подошла к краю и посмотрела вниз. Потом отошла, взяла что-то в клюв и вернулась. Выбрала удобную позицию и опустила свой снаряд. Я слышал, как он ударился о бетон и стайка воробьев разлетелась.

Галка важно и с достоинством пошла осматривать свои владения.

Я посидел ещё какое-то время и пошёл в здание — авось объявили посадку. По дороге заглянул на место боя посмотреть,

чем это галка бомбардировала воробьёв. Оказалось... куриной косточкой. И, хотя мне ещё и ещё пришлось пофланировать вдоль аэровокзала, прежнего уныния на душе уже не было.

А когда объявили посадку, все неудобства тотчас забылись, и я с весёлым настроением улетел в Сургут.

P. S.

Это было время социализма. Была коммунистическая партия. Был комсомол. Комсомол, кроме прочих важных дел, шефствовал ещё и над молодыми и начинающими литераторами. И ежегодно обычно в сентябре-октябре в Тюмени проходили областные семинары, на которые приглашались, кроме нас, начинающих, и признанные поэты, писатели и критики для более профессионального разбора наших «творений».

В последний день семинара самых достойных авторов приглашали записаться на радио. Это воспринималось, как большой успех. Вот и я был тогда от Сургута одним из этих самых начинающих. О чём и вспоминаю легко и с благодарностью.

Плоды просвещения

Стою на мостике, перекинутом через лог. Мостик небольшой, пешеходный, сваренный из труб.

Верх лога и справа, и слева занят преимущественно соснами и ещё кедрами, ниже — тальником и ольхой. По самому дну лога течёт ручей. Во время разлива большой реки вода заполняет и лог. Вместе с большой водой сюда на нерест заходит и мелкая рыбёшка — в основном сорога, чебаки и ельцы.

За короткое время вода в логу прогревается, создавая благоприятные условия для развития икринок. К концу лета вода в большой реке спадает, спадает она и в логу. Вместе с водой уходят и рыбки, но остаются мальки. Их стайки держатся у самой береговой кромки, тут безопасней и больше попадаетесь корма.

В этот день, о котором я хочу рассказать, погода стояла спокойная, солнечная, и мальки блестели в воде, будто кто-то щедрой рукой набросал в воду серебряных монет.

Я остановился и стал смотреть на их «игру». Они проплывут против течения метр-другой и опять возвращаются на прежнее место, и так постоянно.

Группа ребят совсем ещё дошкольного возраста собралась в пригородный лесок. Они вошли на мостик и увидели, что какой-то дядька, то есть я, стоит и очень внимательно смотрит вниз. Ребята остановились рядом и тоже стали смотреть.

Мальки так блестели на солнце, что казалось, они действительно играли. Мальчик, который на вид был чуть-чуть постарше своих товарищей, воскликнул:

— Ребята! Ребята! Смотрите, сколько мальков, — миллион!

— Тысяча! — воскликнул мальчик, явно дошкольного возраста.

— Миллион больше, — утвердительно сказал первый мальчик.

— Знаешь? — сказал мальчик, который сказал «тысяча».

— Знаю, — с достоинством ответил тот, — я в школе учусь.

«Вот они — плоды просвещения», — подумал я.

Мальчики постояли ещё немного и пошли в лесок.

И я пошёл, но в другую сторону — в город.

Дом ребёнка

Аккуратный, двухэтажный особнячок уютно обосновался в небольшом дворике, заботливо ухоженном, с цветочными грядками, кустарником и небольшими деревцами. Центральный вход его обращен в сторону улицы и отгорожен от проезжей части металлическим забором. Улица малолюдная, маломашинная, идущая параллельно основной, городской, почти до самого центра.

Перед входом — деревянное крыльцо. Над ним — двускатный козырёк. Над дверью большими буквами обозначено, что это Дом ребёнка. Во времена моего младенчества такие заведения назывались Домами малюток, и я свою жизнь в этом городе когда-то давно начинал именно с Дома малюток, не с этого, конечно. В те голодные годы в каждом большом городе они были.

Особнячок спокоен, недвижим и таинствен, как будто жизнь в нём замерла до какого-то определённого часа, никому не ведомого. И, когда я проходил возле него, особенно в первые разы по приезде, что-то в груди сжималось так сильно, что перехватывало дыхание и слёзы сами по себе обильно набегали на глаза.

Хорошо, что улочка тихая, почти безлюдная и не надо было ни перед кем стыдиться. Лишь однажды я увидел, как воспитательница и рядом с ней с десятков пар почти крохотных ребятшек в разноцветных курточках, как цыплятки, взяв друг друга за крылышки, тихонько шли вдоль цветочных грядок к беседкам в глубь особнячка.

Со временем потихоньку-помаленьку всё как-то утишилось, не то чтобы совсем успокоилось, но всякий раз, когда я подходил к Дому ребенка, прежнее чувство начинало волновать меня с той же силой.

Однажды почти перед самым моим отъездом парадная дверь особняка открылась, и на крыльцо вышла не то чтобы молодая, но далеко до почтенного возраста пара — он и она. Между ними был мальчик, и они держали его за руки. Следом вышла женщина в белом халате — должно быть, директриса. Какое-то время она стояла и смотрела вслед уходящим.

Вот они сошли с крыльца, сделали несколько шагов по дорожке, идущей вдоль забора по направлению к калитке, и мальчик оглянулся. Я представил, что чувствовала в этот момент директриса. Она постояла ещё немного и зашла обратно.

Когда мальчик оглянулся, моя душа так затрепетала, так зашлась, что я буквально захлебнулся потоками слёз и в тот момент просто был готов разрыдаться.

Впереди с большой кинокамерой, наклонившись почти до уровня мальчика, тихонько отступая, снимал их кинооператор.

Мальчик больше не оглянулся. И я просветлённо подумал: «Господи! Не оставь их своим вниманием!».

Лагерный сад

Сад называется Лагерным.

Он рукотворный и находится на правом высоком берегу реки. В нём посажены тополя, сосны, кедры, берёзы и кустарники. Весной в сад прилетает множество птиц, а белки однажды поселились здесь и теперь живут постоянно. Их подкармливают, особенно папы и мамы, бабушки и дедушки, прогуливающиеся в саду с детьми.

Когда-то давно, ещё до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, во время войны и некоторое время после здесь располагались летние лагеря курсантов военных училищ: пехотного, связи и артиллерийского, и, вполне понятно, сад стал называться Лагерным.

Ещё в нём обустроили мемориальный комплекс в память горожан, погибших на этой войне. Сад — одна из достопримечательностей города, и в любое время, в любую погоду сюда приходят жители города, студенты и приезжие гости. Особенно прекрасен сад в предосеннюю пору, когда открываются изумительно великолепные виды за реку, где желтеют поля созревающих посевов, озера, старицы, дороги, а вдали — деревни и сосновый бор.

Я, приезжая в этот город, город моей юности, обязательно прихожу в Лагерный сад, перед тем на рынке покупаю стакан кедровых орешек, в основном для белочек. Мои зубки давным-давно не те, когда я смог бы посоревноваться с ними. Белочек в саду не так много, но они есть и людей не боятся. Увидишь белочку, подойдешь поближе, присядешь на корточках, вытянешь руку с угощением, и она обязательно подбежит. Бывает, что белочка сначала побегает около, как бы изучая ваши намерения, но всё равно любопытство берёт верх, и вот

она уже около руки. Белочки не все орешки съедают, а которые спрячут, выберут укромное местечко, положат туда, передними лапками — раз-раз-раз — присыпят и бегут за новыми. Может, поэтому даже в тех местах, где и в помине нет кедров, вдруг появляются побеги маленьких кедрок. Я прошёл по саду почти до самого конца, и орешков у меня осталось совсем немного.

Последняя белочка, которую я угощал, поступала так же — какие съест, а какие спрячет. Когда орешки закончились, я подумал: «А что теперь белочка будет делать?».

Она подбежала, проворно забралась на руку, поводила мордочкой по ладони, ища орешки, да как укусит за подушечку мизинца (ой-ой-ой — словно несколькими иголками одновременно укололи), отпрыгнула и убежала.

«Не будешь обманывать!» — наверно, подумала белочка, спрыгивая с руки. Но всё равно моё настроение не испортилось, хотя, признаться, мизинец ещё долго побаливал.

Время было предвечернее. Солнце ещё не спешило сесть за горизонт. По саду прогуливались пары и горожане.

И уходить из сада совсем не хотелось.

Бурундучок

Иду пригородным леском старой просёлочной дорогой. Справа и слева красуются деревья во всём своём осеннем убранстве. Погода хорошая. Небо ясное. Солнце кренится к закату. Ветра нет.

Я ходил в лес просто так, посмотреть, полюбоваться красками осени, и, если что встретится из ягод и грибов, скажу спасибо. Никакой посуды ни для ягод, ни для грибов у меня с собой нет. Странно было бы найти их в эту пору.

Сначала я ещё заходил в лесок то справа, то слева от дороги в надежде, а вдруг что-нибудь да найдётся. Ничего не находилось. И теперь потихоньку возвращаюсь домой краешком обочины, наслаждаясь осенним пейзажем и спокойным неярким осенним закатом.

Через дорогу проходит высоковольтная линия электропередачи. На самом верхнем проводе — он служит защитой от молний — сидит дрозд и так беспокойно квохчет, так трепещет крыльями и подёргивает хвостом, как будто он увидел со своей высоты что-то нехорошее и этим выражает своё возмущение.

Я прошёл под линией, и мне показалось, что я чуть было не наступил на какой-то странный маленький сучок, который не лежал на земле, как должно было быть, а стоял торчком. Я подумал, что это за сучок такой, и оглянулся. Ба! Да это же бурундучок. Он сидел на задних лапках, прижав передние лапки к телу и внимательно, не шевелясь, глядел вверх на дрозда и слушал его.

Господи! Ведь я прошёл совсем рядом и мог наступить. Бурундучок не обратил на меня ровным счётом никакого внимания, хотя находился от него всего-то в одном шаге.

Вот дрозд успокоился, перестал квохчить и трепетать крыльями.

Он посидел ещё немного и полетел. И полетел именно в ту сторону, в которой его что-то так тревожило.

В это время бурундучок опустился на передние лапки и перебежал дорогу.

И я пошёл, радуясь и благодаря неведомо кого за то, что был зрителем и слушателем этого необыкновенного лесного действия.

Конец лета. Начало осени. Первые заморозки. Иду окраиной города небольшим парком из тополей, берез и осин с совсем облетевшей листвой. Предвечерние сумерки. Падает лёгкий снежок, ещё робкий.

По краю парка спуск на пойму большой реки. Сама река где-то далеко, её не видно, но я знаю, что в этом далеко она есть. На пойме, почти у самого спуска к ней, недобросовестные водители вывалили кучи всевозможного мусора, похожие на холмы, уже припорошенные снежком.

(Слово «недобросовестные» нынче широко распространённое и часто употребляемое в среде управляющих нашим государством).

На некоторых холмах сидят вороны и что-то там пробуют найти на пропитание. На одном таком холме, самом близком к спуску, сидит одинокая ворона и тоже что-то клюёт, но голову держит как-то странно — боком.

Я остановился узнать, что этому причина, и увидел: половины верхней части клюва у неё нет. Вот те на!

Впервые мне встретилась такая ворона, и меня удивило то, что сидела она отдельно от своих подруг. Возможно, что вот этот дефект и держал её на некотором расстоянии от других. И подумал, что нелегко ей придётся зимой с таким клювом, нелегко.

Как-то в разговоре с одним знакомым (не помню, о чём был разговор) я сказал, что видел ворону с отломанной половинкой верхней части клюва. Он спокойно сказал, что, скорее всего, они подрались. Никогда не видел, чтобы вороны дрались. Ну, гоняет одна другую, если этой другой удалось раздобыть где-то пусть не кусочек сыра, но что-то вроде того.

Или вот наблюдаем вороний грай — когда вороны с тревожными криками носятся в беспорядке над верхушками деревьев наших парков в предчувствии ненастья. Чаше это происходит под вечер, но это к дракам никак не относится.

Вот голуби городские, беспородные, те дерутся, и притом стараются ухватить противника за шею, а это, по-видимому, очень опасный приём.

Воробьи, те просто прыгают друг на друга, имитируя нападения, но драк избегают.

Так что же могло случиться с той вороной?

Однажды, через какое-то время, может, год-другой, недалеко от моего дома в небольшом пришкольном парке на высоком тополе сидела ворона и пробовала клювом отломать край веточки.

Жаль, что не удосужился досмотреть до конца: смогла ли она отломать эту веточку и на что намеревалась её употребить, ведь в природе до основательного торжества весны было ещё не так близко и кругом лежал снег, хотя довольно унылый, серый и влажный.

Не мудрено подумать, что это ветка предназначалась для строительства гнезда.

Так вот почему у той вороны (скорее всего, у супруга вороны-мамы) не было половины верхней части клюва — не по клюву, видать, в азарте строительства гнезда выбрал он ветку.

«Вот если бы ту ворону (супруга вороны) поймать и сделать протез, — подумал я, — и была бы она такая же, как все, в этой стайке. Но как ей (ему) сказать об этом?».

Надя

Мы — бригада освоения — переехали на новый куст, законченный бурением. Куст — это ряд скважин. На кусту ещё находились несколько вышкомонтажников. Они передвинули буровой станок так, чтобы он не мешал нам, освоенцам, осваивать скважины. Когда вышкомонтажники отправили с куста всю свою технику — столовую, вагончики, трактора, слесарку, сварочную и прочее, и прочее, — один из них подошёл к нам и сказал: «Ребята, на том озере, — он показал рукой за наши балки, — живёт гагара, она почти ручная, покричите: «Надя! Надя!». Она приплывет не близко, но где-то на расстояние броска. Рыбу найдёте, где стояла наша столовая, там лежит целый брикет хека. Ну, всего».

По его уходе мы тотчас пустились знакомиться с Надей. В ту пору в бригады привозили, кроме основных продуктов, которые заказывали, ещё и по целому брикету хека как бы в нагрузку. Конечно, весь брикет мы не съедали, а оставшуюся часть после окончания работ и при переезде на другой куст просто оставляли. Песцы, лисы и другие таяжные жители считали это своей добычей, возможно, ещё и благодарили нас.

И вот мы набрали рыбы, пришли на берег и кричим: «Надя! Надя!». И правда, из-за островка выплывает гагара и плывет по отношению нашего берега метров на пятьдесят. Бросаем рыбину, и, как только она плюхается в воду, гагара тотчас ныряет. Через какое-то время в том месте, где рыба упала, расходятся круги — значит, Надя рыбу взяла, теперь ждём, где она вынырнет. Выныривает она далековато, почти у самого берега островка. Бросили ещё несколько рыбин и пошли собираться на работу обустривать куст.

А почему вышкомонтажники гагару называли Надей? Скорей всего, потому, что у них в бригаде поварихой была Надя. Вот и гагара получила это имя в её честь — должно быть, так. Стояли мы на этом кусту месяца полтора-два, почти все лето. Кроме своих дел, Надю подкармливать не забывали, и всегда она была одна. Были ли у неё утята — не знаю, не видел. И летать она как будто бы не летала. И что её могло ожидать потом, не решаюсь и предполагать.

Лягуша-Квакуша и Комар-Комарович

На краю болота, где болото постепенно заканчивается и начинается лес, жили лягушки. Жили они там давно-предавно с того самого времени, когда болото только-только начинало образовываться. Главной у них была Лягуша-Квакуша 22 ая, их королева. Она была из старинного и знатного лягушачьего рода, такая важная, такая степенная, такая правильная, такая вся... сами понимаете, какой и должна быть королева. Её подданные уважали свою королеву, гордились ею и старались во всём ей подражать.

Лес же в том месте состоял в основном из сосен, берёз и кедр — высокими, величественными деревьями, полными грибов и ягод. На спуске к болоту росли редкие кустарники, а дальше пробовали выжить маленькие чахлые деревца среди сухого и корявого чапыжника, годного разве что для костра. И эти места стали обживать комары, тоже с незапамятных времен.

В начале лета, когда на болоте начинала цвести морошка, комары любили навещать территорию лягушек с тем, чтобы полакомиться нектаром цветов морошки. Никакого вреда своими набегами, то бишь, налётами они цветам не причиняли, наоборот приносили пользу — опыляли их.

Главным у комаров был Комар-Комарович 12-ый. Почему 12 ый? Да потому что он был ещё молод и жизненного опыта у него было что называется набирать да набирать, не то что у Лягуши-Квакуши 22 ой. Но был он любим и уважаем своим комариным народом, как храброго и принципиального.

И комариный народ часто обращался к нему с жалобой на своих соседей — лягушек, на их неприветливость и непонимание. Вот Комар-Комарович 12 ый решил сделать визит Лягуше-Квакуше и обсудить с ней эти недоразумения.

Её величество Лягуша-Квакуша была обрадована визиту Комара-Комаровича, столь высокого гостя и назначила ему аудиенцию в своих апартаментах возле самой роскошной кочки её болота, прямо утопающей во множестве необыкновенно красивых цветов морошки, так обожаемых Комаром-Комаровичем. Конечно, ему был предложен и фирменный Лягуши-Квакуши напиток — чудодейственный сфагновый бальзам, настоящий на ягодах морошки, от которого Комар-Комарович просто не мог отказаться, не только из придворного этикета, принятого в таких случаях, но и сам напиток был очень и очень приятный и на взгляд и на вкус. Комар-Комарович передал Лягуше-Квакуше напутствие своего народа и изложил ей своё понимание какими хотелось бы ему видеть отношения между народами Лягуши-Квакуши и его Комара-Комаровича, чтобы они были взаимоприемлемыми, взаимоуважаемыми, взаимопонимаемыми, в общем чтобы в их отношениях всё было открыто и просто... по-семейному.

— По-семейному! — радостно воскликнула Лягуша-Квакуша. — Ах, как Вы, Комар-Комарович, прекрасно выразились — по-семейному! Я непременно обдумаю Ваше пожелание!

От восторга она даже прикрыла глаза и потянулась блаженно.

— По-семейному! Как это чудесно! —

И так глубоко-глубоко вздохнула, что у неё как бы слегка закружилась голова — по-семейному!

Некоторое время она оставалась в таком недвижно-восторженном состоянии. Вот она открыла глаза, смотрит, а Комара-Комаровича нет.

— Комар-Комарович! Комар-Комарови-и-ич, Вы где? — позвала она и огляделась вокруг. И тут она почувствовала, что у неё во рту что-то есть. Она совсем неосознанно произвела глотательное движение и ей стало приятно.

— Ах! — воскликнула Лягуша-Квакуша, если бы всегда, вот так, просто... по-семейному! А то эти, как их — журавли, с ними ни...

— Ой!

— Прячусь! Прячусь!

Самое-самое начало 1990-х годов.

Работаю в Управление Буровых работ № 1 (УБР-1) объединения «Сургутнефтегаза» в бригаде освоения. Нефтяники знают, что это такое.

Для ненефтяников скажу, что это заключительные работы по подготовке скважины в эксплуатацию, т. е. чтобы из неё получать нефть, газ, воду — на что пробурена.

Мачта для спуска и подъёма насосно-компрессорных труб (НКТ) смонтирована на базе автомашины КРАЗ.

Площадка возле устья скважины открыта для любой непогоды: дождь, снег, мороз, ветер. Помбурам ещё терпимо — они вынуждены двигаться и этим как бы согреваются в непогоду. Бурильщик же стоит у пульта и тут не походишь, не попрыгаешь.

Летом нормально, и весной, и осенью ещё ничего, но зимой, особенно в морозы и метели, когда тебя пробирает и продувает насквозь, подумаешь что надо кожушок всё-таки приобрести, защитить спину и поясницу от простуды.

Однако, вахту отстоишь, приедешь домой и забываются все неудобства. И так который раз. И вот как-то вечером захожу в промтоварный магазин. Нахожу этот отдел, выбираю, то один, то другой... что-нибудь да не подходит. Тут заведующая говорит довольно громко, чтобы покупатели поторапливались, потому что магазин закрывается. Ну, ладно, решаю завтра зайти.

Назавтра прихожу, а магазин пуст, пуст совершенно, ничего, голые стены.

Не удивляюсь — может, перестановка, может, переезжают, может, ещё что-то, кто их знает.

Мы закончили эту скважину, встали на новую на другом кусту. А там надо сначала воронку на НКТ допустить до забоя, забой промыть, прежде чем проводить какие-либо другие работы. А промывать надо через ёмкость, которой на кусту нет. Есть одна свободная 20 м³, но она забита шламом, и находится где-то у заброшенного песчаного карьера.

Мне диспетчер говорит: бери ППУ — это полевая паровая установка — и поезжай, машинист знает. Ну что ж, сажусь, едем. Едем-едем. Вот свороток как бы на просёлочную дорогу с едва заметной в снегу колеёй.

Доехали.

Машинист разогревает котёл, я разматываю шланг, втыкаю «пику», трубку метра полтора, в шлам.

Ёмкость полная, не успею к концу рабочего дня её отогреть и освободить. Надо разложить костры вокруг ёмкости, тогда более вероятно.

Осматриваюсь — где что-нибудь деревянное найти. Вижу: дощечки торчат из кучи снега. О, да это же ящички из-под апельсин, и сами апельсины, но уже основательно попорченные, и их достаточно много. Дощечки лёгкие, сухие, горят хорошо. Успею!

Решил немножко пройтись, посмотреть, что там дальше.

Господи!

Огромная куча колбасы, полукопчёной, уже покрытая плесенью какой-то бело-серо-зелёной.

Магазины пусты, а всё здесь, на заброшенном песчаном карьере, и он же, должно быть, не один вдоль дорог и трасс. Помните Егоро-Гайдаровское: надо отпустить цены, тогда всё появится. Значит, это всё где-то было припрятано. Или гнило вот на таких же заброшенных песчаных карьерах. Весь карьер обходить не стал, большой, да и снег глубокий, и там подальше от глаз скорей всего навалено пуще этого.

Вот тебе и ах! — дорогой мой. Помните Егоро-Гайдаровское: надо отпустить цены, и тогда все появится. Значит, это «всё» где-то было припрятано, или гнило вот на таких же заброшенных песчаных карьерах.

Вернулся к ёмкости присматривать за кострами.

Зимой в Сибири темнеет быстро. Смотрю: шлам у бортов ёмкости оттаял. Надо попробовать ёмкость перевернуть и освободить её от всего что в ней отпарилось. Всё сделано как надо и успели на базу к пересменке.

PS.

Не буду судить ни о Москве, ни о Ленинграде (Санкт-Петербурге), ни о других больших городах по случаю пустых полок и прилавков, а здесь, у нас, в Сибири, всё это происходило вот так.

Виктор, мой двоюродный брат, одессит, крепыш и симпатяга, закончил мореходное училище и получил распределение на подлодку. После нескольких успешно выполненных плаваний им поручили задание во Вьетнам. Там они попали в некую переделку, и им пришлось лечь на грунт. И это было серьезно. Сообщить своим о местоположении было опасно. Американцы непременно бы их засекли, т.е. запеленговали и забросали бы глубинными бомбами.

Тогда у них шла война между Севером, которому помогал СССР, и Югом, проамериканским.

Единственное, что было возможно в той ситуации — только через торпедный аппарат. И эту роль Виктор взял на себя.

Ну, а как же — молодой специалист, комсомолец. Кому ещё? Не матросика же, салагу, посылать звать на помощь.

Тогда в Советской армии ещё действовал один из непреложных Суворовских наставлений: сам погибай, а товарища выручай!

Спасли и подводную лодку и экипаж. А Виктор?..

А Виктору — досталась кессонка. Сопровождать его в Союз вызвался лучший друг. Не доезжая Одессы почти на половине пути он Виктора оставил, прихватив с собой всё, что Виктору надали на память за спасение благодарный экипаж. И сказал напоследок, оставляя его: Зачем тебе это — всё равно ты не жилец.

Вот подонок.

И в Советской армии, и в Советском подводном флоте встречались и не так уж редко подобные типы.

Всё же мир не без добрых людей, и с их помощью он добрался до дома.

Конечно, военкомат не оставлял его без внимания, но... они не Боги. Теперь Украина независимое иностранное государство и ориентиры у них совсем другие.

Отец Виктора и моя мама родные брат и сестра. Виктор коренной одессит, я коренной сибиряк.

И это было так давно.

PS.

18 марта 2018 года у нас в стране прошли выборы главы государства, и народ в большинстве своём, в который раз, выразил свою приверженность капитализму.

Жаль!

Думаю, он — народ — это сделал в тщетной надежде, что и ему — народу — что-нибудь перепадёт. Не перепадёт, не надейтесь!

Первая страна социализма... была, не вполне совершенно-го, конечно, но всё-таки.

Тогда у нас было множество друзей и на Западе, и на Востоке, и во всём мире, даже из аристократических и королевских семей, и ориентировались на нас как на оплот социализма, то есть справедливого общества. Теперь друзей у нас поубавилось и основательно, а что в нас интересного — мы обыкновенная капиталистическая страна со всеми её атрибутами и пороками. И вот очередной сюрприз капитализации — трагедия в Кемерове. Ищут причину, а причина проста — всё ради прибыли, и капиталист, нынче он и работодатель, и бизнесмен, и предприниматель, и т. д. и т. п., и ради этой самой прибыли он ничем не погнушается: из любого закутка хоть горсть пятаков — его девиз.

Когда мы вернёмся на свой путь, так бездарно оставленный нами впопыхах?

Не скоро. Ой, не скоро!

Стихи?!

Что такое стихи? Самое простое и лаконичное определение стихов — это ритмически организованная речь. Ритмичность достигается путём упорядоченного чередования ударных и безударных слогов в стихе. Стих — одна стихотворная строка.

Размеры стихов заимствованы из античной поэзии, их два: двусложники и трёхсложники. К первым относятся ямбы и хорей, ко вторым — дактили, амфибрахии и анапесты.

Через Францию и Германию они (размеры стихов) пришли в Россию. Первыми, кто применил эти размеры в русском стихосложении, были Тредиаковский Василий Кириллович и Ломоносов Михайло Васильевич.

Приведём примеры, сразу же расставляя ударение. Обозначим ударный слог (/), безударный (—).

Двусложники:

На́вис по́кров угрю́мой но́щи —

Пушкин А. С.

Ска́жи-ка, дядя, ве́дь не́да́ром

Лермонтов М. Ю.

Как видим из этих строк, в них четыре ударных слога и четыре безударных и по одному неполному слогу в конце. Конечный неполный слог называется клаузулой. Если такой слог встречается впереди строки — это анакруза, а если наблюдается метрическое пересечение внутри строки — цезура. Часто в размер стиха вставляется два рядом стоящих ударных или же два безударных слога. В первом случае — спондей (//), во втором — пиррихий (— —).

Всё это даёт широкие, почти безграничные возможности автору для выражения его мыслей, чувств, переживаний и т. д.

В приведенном примере ударный слог стоит после безударного. Такой стих — ямб, а так как в каждой строке по четыре стопы (ударный слог + безударный), стихи — четырёхстопный ямб. Кроме четырёхстопного, ямб бывает и трёх-, и пяти-, и более стопным.

Немного от себя. Предчувствие.

Написание стихов, сложение их тем или иным размером (двусложниками или трёхсложниками) не в последнюю очередь зависит не только от характера поэта и им выбранной темы, но и от объёма его легких, т. е. глубины вдоха и выдоха, что сродни легкоатлетам. Чем объём лёгких больше, тем удачнее даются длинные дистанции и наоборот: чем объём легких меньше, легкоатлету предпочтительнее короткие дистанции.

Но вернёмся к нашим двусложникам...

Второй пример:

Бу́ря мгло́ю не́бо кро́ет

Пушкин А. С.

Выпа́л сне́г и всё́ забы́лось

Рубцов Н. М.

В обоих стихах ударный слог стоит впереди безударного — это хорей. Их по четыре в строке, значит, они представлены четырёхстопным хореем.

Теперь рассмотрим трёхсложники. Их три вида: дактиль, амфибрахий и анапест.

В трёхдольниках, само собой, три слога: один ударный и два безударных.

Если ударный слог впереди двух безударных — это дактиль.

Если в середине — амфибрахий.

Если ударный слог в конце — анапест.

ПРИМЕРЫ:

Дактиль:

Ту́чки не́бесные́, ве́чные́ стра́нники́

Лермонтов М. Ю.

Во́т оно́, глупо́е сча́стье

Есенин С. А.

Дактиль Лермонтова — четырёхстопный, полный. Дактиль Есенина — двустопный, с одной неполной стопой в конце, но если слово «счастье» прочесть как «счастье», то дактиль Есенина будет трёхстопным полным.

Амфибрахий:

Си́жу за ре́шеткой в те́мнице сы́рой

Пушкин А. С.

Сре́дь шумно́го ба́ла случа́йно

Толстой А. К.

Если в амфибрахий Пушкина в слове «сырой» «Й» произнести как «И», то получим четырёхстопный амфибрахий, полный. Амфибрахий Толстого трёхстопный, полный.

Анапест:

Зна́менитый Сма́льго́льмский ба́рон

Жуковский В. А.

На за́ре ты её́ не́ буди́

Фет А. А.

Анапесты Жуковского и Фета оба трёхстопные, полные.

Подведём итог:

Это упрощённое определение стихотворных размеров. Трудов по стихосложению множество и в них рассматривается более детально и научно этот предмет.

Примечание:

Чтобы легче определить размер стиха, предлагаю произносить, хотя бы мысленно:

Ямб, как «и́амб» (всё-таки двусложник).

Хорей, как хо́рей (с ударением на первом слоге).

Дактиль, как Да́ктилий (трёхсложник ведь, ударение на первом слоге).

Амфибрахий, как Амфи́брах (при чтении убрать «и» и «й», ударение на среднем слоге).

Анапест произносить с ударением на последнем слоге — «Анапе́ст».

И тогда в определении размера стихов затруднений у вас не станет возникать.

Содержание

Стихи

Восход	4
В детском лагере	5
Яки и бяки.....	6
В месяце марте... ..	7
Весенняя музыка.....	8
В парке	9
Май	10
Скорей, скорей вставай с постели	11
Весеннее.....	12
Рабочая семья	13
Манная каша.....	14
Не плачь, малыш... ..	15
«Берёзка».....	16
В нашей спальне всё в порядке	17
Кто печёт для нас блины	18
Дождик.....	19
Счастливый мальчик	20
Голубок и котик	21
Лужи	22
Соседи	23
Ночное	25
Пилю сосновую доску	27
Осенние стихи.....	29
Позевота.....	32
Ёлочка	34
Зимнее утро	35
Предновогоднее.....	36
Речка Бурундук	37

Начало года.....	39
Февраль снега протёр на тёрке	40
Видно, так повелось уж исстари	41
С песнями и смехами	42
Таёжный ручей	43
Нипочём не отгадать мне масти	45
Вдохновение	46
Юлии	47
Машеньке.....	48
С добрым утром, бабушки	50
Сентябрьский ветер	51
Ручейки весенние.....	52
Выпускное	53
Просыпаюсь в лесной избушке	54
Сторона родная, уголок России	55
Тучка.....	56
Люблю любое время года	57
Ветер провода перебирает	58
Наша Маша что-то плачет	59
Нравы	60
Елене	61
Отпуск	62
Шутка.....	63
Своих великих надо знать в лицо.....	64

В минуты мутных мыслей

Рабочим СССР.....	66
Хочу слугой народа стать.....	67
Пришла беда, открывая ворота	68
Привет поэтам на свете этом	69

Моление русского народа	
Народам цивилизованных стран:	70
Не могу расстаться с прошлым	71
Щегол	72
Коммунары	74
Полустанки	75
Зов цветов	77
Идеал жизни	78
Украина — це Европа	80
Одуванчики	81
Возрастное	82
Пожелание	83
Когда я учился в школе	
(это 50-е годы 20-го столетия)	84
Страна Россия	85
Был я молод. Надежды кипели	86
Листья осенние	87
Перестройка	88
Каждый забежавший на Север	89
Родина родная — чудо из чудес	91
Экономические форумы в С-П	92
Товарищи! Налегай на щи	93
Подготовка к выпускным	95
Колечко	96
Кураж	97
Что мне сказать про него —	
Благодетеля моего?	98
Дорожное	99
Романс	100
Россия, начало XXI века	101
Поздний путник	102
Эх, Россия! Россия! Россия!	103

Проза

Лечебная книга	105
Тысяча девятьсот семидесятые	113
Плоды просвещения	115
Дом ребёнка	117
Лагерный сад	119
Бурундучок	121
Ворона	123
Надя	125
Лягуша-Квакуша и Комар-Комарович	127
Самое-самое начало 1990-х годов	130
Виктор, мой двоюродный брат, одессит... ..	133
Стихи?!	135

Отождествлять поэзию со стихами – все равно что
сравнивать Венеру Милосскую с девушкой с веслом.
Вроде бы обе девы: и эта, и та. А вот поди ж ты!..

Никон Васильевич Сочихин

Из вербной веточки свирель

Стихи и проза

Компьютерная верстка:
Я. В. Грищёва

Подписано к печати 11.07.2018 г.
Формат издания 60×84/16.
Гарнитура TimesNewRoman
Тираж – 100 экз.

Отпечатано
в ООО «Томский Полиграфический комплекс»
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1
www.tpk.tom.ru

